

Символическая объективация: конституирование онтологии (часть 2)

В. В. Ильин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Продолжая изучение проблемы социальной легитимации знания, автор исходит из необходимости исследования процесса символической объективации объекта путем применения категории «фация», введенной и обоснованной им на содержательном и формальном уровне в предшествующих работах. В дальнейшем рассмотрении ключевых этапов объективации когниций автор применяет свою оригинальную методологию для обнажения сути современной когнитивистики. Основные выводы о содержании предпосылок когнитивного синтеза сделаны в заключительной части статьи и подкреплены убедительными примерами из современной физики.

Ключевые слова: гипотезы существования; формы мышления; когнитивный синтез; трансцендентальный идеализм; априоризм; фация; символизм; автоморфизм.

Символизм — эмпиризм — априоризм. Дело сводится к следующему: с позиций антисхоластической методологии Нового времени (учения о новом органоне) наращивание содержательной компоненты знания связывается с опытным воздействием на природу эмпирическим испытанием, наведением, индуктивным принципом. Вовлечение опыта снимает довольно острую проблему предметных основ познания, однако не только не проливает свет на проблему его формальных основ, но, пожалуй, рассеивает последние лучи: индуктивная ассоцианистская техника не развертывает удовлетворительной схемы складывания всеобщности — необходимости категориального знания.

Во-первых, индукция (нетривиальная, неполная) не позволяет логически строго вводить кванторные универсалии, получать номологические законосообразные выражения (см.: [1, § 10]). Во-вторых, по индуктивно-ассоцианистским методикам образуются не понятия (эссенциально общее, дистрибутивное целое), а квазипонятия (акцидентально общее, сходное, собирательное целое).

© Ильин В. В.

Критериологию различения дистрибутивных и собирательных целостностей индуктивизм (ассоцианизм) не вырабатывает. Собирательные признаки установимы индуктивно, но они всегда неполны — не всеобщи, не необходимы.

Необходимость, всеобщность проистекает не из самого опыта, а из его рационализации (с применением принципа свертывания, изолирующей абстракции, отождествления). По справедливому замечанию Лейбница, «индукция сама по себе ничего не производит... если к ней на помощь не приходят предположения, зависящие не от индукции, а от общего принципа» [2, с. 95].

Существо названного философом принципа проясняется представлением того, что индукция поставляет «содержание», но не дает «всеобщности», а дедукция поставляет «форму» (всеобщность), но не дает «нетривиальности». Задачу совместить одно с другим (всеобщность с нетривиальностью), собственно, решает трансцендентализм (кантианство) учением о синтетическом *a priori*, — моделью продуктивных синтезов.

Серьезный изъян данной модели — фактическая вымышленность знания, творимого по неустановленным правилам воображения с неустановленным включением аффицирования. Иной достойный разбора ее недостаток — трактовка существа предпосылок знания, к каковым относятся априорные формы чувственности (пространство и время) и рассудка (категории).

Кант ставит мысленный эксперимент: предполагает пространство и время объективными, присущими вещам самим по себе — и обнаруживает, что в этом случае существует множество априорных и аподиктических синтетических положений относительно их природы [3, с. 83]. Поскольку на этой стадии обоснования к какому-то точному заключению прийти нельзя, остается согласиться: допустим, окажется, что их множество. Демонстрация продолжается: так как «положения геометрии можно познать синтетически *a priori* и с аподиктической достоверностью, то... откуда получаете вы такие положения и на чем основывается наш рассудок, чтобы прийти к таким безусловно необходимым и общезначимым истинам?» [3, с. 83]. Вопрос не риторический. Кант настаивал, что здесь нет иного пути, кроме как через понятия или созерцания, данные или *a priori*, или *a posteriori*. В последнем случае эмпирические понятия и фундирующие их созерцания окажутся опытно синтетическими, а значит, лишены необходимой и абсолютной всеобщности, свойственной геометрии как теории. Методом исключения остается иная возможность: пространство и время — субъективные априорные формы — условия синтетических всеобщне-необходимых положений геометрии. В пределах обоснования сказанного получает простор хроногеометрическое атрибутивное: пространство объявляется бесконечным, трехмерным, и кратчайшим расстоянием между двумя

точками в нем является прямая [3, с. 67, 68, 252]. Легко заметить, что схематическим остовом такой атрибуции выступает заимствуемый из культуры евклидов вариант сценографии реальности, канонизируемый под видом априорно-абсолютного. Запомним это.

Типологический прием *заимствование — канонизация* используется и при экспликации природы априорных форм рассудка. В основе опытного знания — понятия о предметах, делающих возможным опыт [3, с. 124]. На данном резоне они необходимо и априорно относятся к предметам опыта — только с их помощью можно мыслить предметы опыта вообще. Это — принципиально. А конкретно? Как с геометрией, фактический способ осмысления предметов рекрутируется из наличной когнитивной техники, — в нашем случае естествознания, — эвристические презумпции которого в лице механистической сценографии мира абсолютизируются и универсализируются. (Твердый и упорный прием *заимствование — канонизация* сопровождается хождением в лабиринтах синтетических основоположений чистого рассудка — аксиомы созерцания, антиципации восприятия, аналогии опыта, постулаты эмпирического мышления вообще, — представляющих краткий конспект ньютоновой картины действительности.) Запомним и это.

Активная роль форм мышления, символических мыслительных форм сказывается в конструктивно-синтетической способности мысли, самоиницируясь, выстраивать образы-сценарии реальности с задействованием продуктивного воображения. Однако здесь важно не доходить до крайности, достигнуть выверенности, соблюсти реалистичность. Формы мышления, символические формы (*SF*) обладают мощнейшим синтетическим ресурсом автокаталитического когнитивного связывания: «Мы ничего не можем представить себе

связанным в опыте, чего прежде не связали бы сами», — утверждает Кант [3, с. 127]. Данную максиму требуется понять правильно, принимая в расчет:

1) *предпосылочность* (представление связанности — усматривание связи — в отношении к текущему познанию объекта вводится предварительно, в транскрипции не «априорно» (внеопытно), а предпосылочно (доопытно): всякое наличное познание руководится заранее выработанными идеями);

2) *автоморфичность* (источник связывания — символическая автокаталитическая способность, — посредством мыслительных автоморфных процессов развертывается тематическое сценографирование предметности, категориальное конструирование мира, при этом когнитивная конструктивно-креативная связь приводит визуально данное многообразие в мыслительно упорядоченное единство);

3) *самодетельность* (среди всех представлений «связь» есть «единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодетельности» [3, с. 127]).

Рассмотренный выше триплекс понятий действительно служит ключом к экспликации гносеологического существа форм мышления. Сторонники эксплуатации данной триады получают необходимый реквизит сочленения нетривиальности (в обход ассоцианистского индуктивизма) с аподиктичностью (избегая схоластического дедуктивизма) и решают тем самым капитальную теоретико-познавательную проблему генеалогии нетривиального всеобщего-необходимого знания. Между тем «необходимый» реквизит не означает «достаточный». Остается упомянутый ранее тонкий сюжет «вымышленности»: если знание есть только плод конструктивно-креативной способности воображения, как оно может быть предметным, содержательным,

гносеологически альтернативным маниакальному видению, домыслу, фантастическому предположению, наваждению?

Проблема демаркации двухосна — ожидает решения и в плоскости «форма», и в плоскости «содержание». В первой плоскости заявляется представляющий решение продуктивный синтез. А во второй? Отвечая *ex abrupto*¹, на стадии кантианства остается удовольствоваться трансцендентальным априоризмом. В подспудье, как мы zapomнили, в качестве предпосылочной предметной универсалии Кант использует образ знания своего времени, превращая его в абсолютное внешнее условие всякого возможного знания (т. е. *sub specie aeternitatis*²), что, как выяснилось, чревато несообразиями фоссилизации тех или иных далеко не общезначимых компонентов базисной теории евклидо-ньютоновой сценографии мира.

Поскольку преформизм такого рода в отношении познавательной техники неоправдан, напрашивается более органичный, вытекающий из самого духа нашего исследования ход, определяемый столь естественными шагами, как:

— отказ от выстраивания теории познания в ракурсе *sub specie aeternitatis*; как всякая добротная теория, она черпает опору не в абсолютных (в некоем до-скональном смысле), а в относительных предпосылках;

— обращение к положительным историческим социально-культурным реалиям производства и удостоверения знания (всей продуктивной цепочки когнитивных актов от контекста открытия до контекста оправдания) сообразно возможностям времени.

Социально-темпоральный регулятив рассмотрения привносит в гносеологию искомый момент реализма.

¹ Без подготовки (лат.).

² С точки зрения вечности (лат.).

Поставим вопрос максимально прямо: откуда заимствуются предпосылочные комплексы расширяющих когнитивных синтезов? Трансцендентализм указывает на априорную сферу, подкрепляя указание ссылкой на якобы абсолютную версию евклидовой хроногеометрии, представляющей всего лишь приближенный абстрактный образ реального пространства. Если проводить априоризм последовательно и точно, следует фокусироваться не на простейшей реализованной возможности, а на некоем общем понятии логически мыслимой среды обретения будущих конструктивных возможностей. Однако такое понятие для каждой конкретной стадии познавательного опыта пребывало бы как минимум неполным, а как максимум — пустым (*a priori* предметным образом перебрать, зарезервировать многообразие потенциальных вариаций невозможно). Понимая это, Кант канонизирует наличную евклидову форму с элементарными пространственными отношениями: бесконечность, трехмерность, расстояние между двумя точками в виде прямой.

Содержательное расширение понятия пространства произошло в результате выстраивания гиперболического пространства и евклидового пространства любого числа измерений. Максимально общее понятие математического пространства выдвинуто Риманом и нашло

дальнейшую детализацию в следующих моделях пространств: функциональных (Гильберт, Фреше, Рисс); полного нормированного (Банах); векторного; гильбертова; топологического и топологического векторного.

Простейшие вариации пространственных многообразий с постоянной кривизной объединены римановым пространством (евклидово, гиперболическое Лобачевского и параболическое — Римана, табл. 1). Используя специальный язык, относительно гипертрофированной Кантом «универсально-априорной» евклидовой формы позволительно высказать так: евклидова форма возникает в малых областях риманова пространства с точностью до малых высшего порядка сопоставительно с размерами области.

С физической (космологической) точки зрения, кривизна пространства задается параметром средней плотности космической материи $\rho_0 \approx 10^{-29}$ г/см³. (Значения кривизны и средней плотности вещества связаны в релятивистской теории эволюционирующей Вселенной уравнением

$$K/R^2 = 1/3 \chi \rho - H^2,$$

где K/R^2 — гауссова кривизна трехмерного пространства; ρ — средняя плотность вещества; H — постоянная Хаббла; χ — релятивистская гравитационная постоянная.)

Таблица 1

Варианты геометрии пространств

Плотность космической материи	Свойства пространства		Кратчайшее расстояние между двумя точками
	кривизна	конечность	
<i>Евклидов вариант</i>			
Равна ρ_0	0	Бесконечно	Прямая
<i>Вариант Лобачевского (гиперболическая геометрия)</i>			
Меньше ρ_0	-1	Бесконечно	Геодезическая линия*
<i>Вариант частной римановой геометрии (параболическая геометрия)</i>			
Больше ρ_0	+1	Конечно	Геодезическая линия

* «Геодезическая линия» — понятие, представляющее собой обобщение понятия прямой (отрезка прямой) на случай неевклидовых пространств, имеет вид спиральных, дугообразных, кругообразных, винтообразных кривых — кратчайших линий.

Социологический план: консолидация общения на базе утилизации символического материала в межсубъективном обмене деятельностью, интернализация установок, интегрирование трактовок, значений, интерпретативных методик в технологиях самовоспроизводства общества, обеспечивающих единство когнитивных реакций (закрепление стимулов — повышение частоты фигур поведения), образы выражения реальности в «коллективных представлениях».

Гносеологический план: унификация, стереотипизация процедур предикации, атрибуции, категоризации за счет стандартной утилизации потенциала гипотез (H) — H -существования, сопровождающих онтологизацию, объективацию абстракций.

Формы мышления озабочены исполнением своей прямой роли — связыванием. Мир складывается в знании из основополагающих идей, и характер складывания многоотсечен.

Содержание знания в виде характера предметного связывания объектной определенности мира целиком и полностью обусловлено *фацией*, которую можно трактовать как исторически данную, социокультурно специфицированную логически мыслимую форму — среду-абсорбер, где реализуются познавательные конструкции. Фация, следовательно, есть когнитивное пространство выполнения разнообразных предметно-содержательных осуществлений.

Чувственность — правила приведения многогранного содержания перцептивного созерцания к образному единству. Ключевое значение здесь имеют когнитивные карты, схемы, модели — легализуемые фациями эвристические лоции, действующие в режиме синтезирующей спонтанности. В доньютоновой небесной механике узаконивались кинематические реконструкции движения светил по небесному своду с обязательностью круговых траекторий

(докеплерова астрономия) — античный штамп присущности «эфирным телам» «совершенных» линий перемещения. Чувственное многообразие визуального материала в данном случае упорядочивалось организуемыми платформами:

— Гиппарха — Птолемея (геоцентризм);

— Аристарха — Коперника (гелиоцентризм; в варианте Коперника, вводящего мнимый центр, отстоящий от реального Солнца на $3/2e$ (экванта), — квазигелиоцентризм);

— Гераклида Понтийского — Тихо Браге (кентавризм, двоецентрие: центр планетной системы — Земля, Солнце обращается вокруг нее, планеты Солнечной системы — вокруг Солнца).

Предконцептуализация — символизация материи знания; двойное опосредствование — перевод перцепций в знаковую форму (семиотизация) с переводом знаковой в эйдетическую форму (семантизация) (подробнее см.: [1]).

Семиотизация конкретизируется актами номинации, сигнификации и семантизации.

Номинация — введение имен, оформление терминизации (расширение тезауруса новацией «носорог»).

Сигнификация — лексическое связывание термина «носорог» с циркулирующими в фации (определенная эпоха — социум, культура, историческое время) выразительными фигурами-гипонимами «дракон» и «единорог», позволяющими по признаку тропного связывания сочленять новый вид с традиционными родовыми общностями. Идет лексическая таксономизация с опорой на логические родовидовые корреляции. (Лейбниц в проекте *Calculus ratiocinator* (исчисление рассуждений) полагал ограничиться данным этапом.)

Семантизация — придание знаковым выражениям смысловой определенности, перевод знаково представленной предметности в форму мысли, идейного

состояния, — задействование интерпретативного, экспликативного, тематизирующего ресурса — эйдетическое увязывание параметров вновь идентифицируемого «носорога» с известными «драконом» и «единорогом» с достижением смысловой и объектной идентификации.

Объектная идентификация — объективация, денотация, референция, — скачок из сферы мысли в сферу сущего через приписывание существования приписанному сущности — череда кон трактационных процедур:

- атрибуция — приписывание свойств;
- предикация — встраивание в отношения;
- реификация — придание приписываемым свойствам, отношениям, признакам статуса вещественности.

Паушальный эффект — онтологизация — переход от идейно приписанных параметров к параметрам реальным, конституирование по предикатам — существования. Идет онтологическая таксономизация с опорой на абстракцию отождествления, принцип свертывания, гипостазис понятий.

Фация легализует носорога как по месь «дракона с единорогом»; то же самое она проделывает с «силой притяжения» (эвристическая эпопея Эмпедокла — Орема — кембриджских платоников — Гука — Ньютона); аналогичное — с носителем гравитации — гравитоном (которому приписывается нулевая масса покоя, нулевой электрический заряд, спин 2). Абстракции (возможно, пустые, что задним числом — с точностью до протекшего опыта — выяснено лишь относительно «дракона с единорогом») наделяются денотатом. (В скобках озаботимся: что обуславливает такого рода неразборчивость фаций? И в качестве дополняющего вопроса — почему в одних случаях

они благоволят фикциям, а в других проявляют щепетильность (идиосинкразия к левитации)?)

Концептуализация — выстраивание полноценного объемного сценария предметности со слоями, уровнями бытия, версификацией их становления, динамики, структуры, связи, — протекает как развертывание *базисных теорий* (формально-аксиоматические, хроногеометрические конструкции, в общественном сопрягающиеся с доктринацией назначения человека и человечества, индивидуальным и родовым применением разума) и *категорологии* — конституирующая роль концептов во введении понятий предметности (эйдетически связываются или не связываются разряды предметности — носорог с «драконом» и «единорогом»; на базе эйдетической селекции ревизуется активный выразительный фонд уровня лексико-семантических вариантов (ЛСВ); по принципам гипостазиса предикатов и свертывания аккредитуется существование — гравитон узаконивается, «левитон» не узаконивается), выстраивании координации и субординации ее (предметности) компонентов (в зависимости от определенности толкования предикабилей *абсолютное — относительное, возможное — действительное, причина — следствие* и т. д. оформляются черты мироздания с онтологическими преднамеренностями, умышленностями *динамическое — статическое* (крен в трактовке «закономерности»); *дальнодействие — близкодействие* (крен в трактовке «взаимодействия»); *силовое — несиловое* (крен в трактовке «связности») и т. д.), рефлексировании атрибутики сущего (дихотомии *статизм — динамизм, автономизм — холизм, феноменологизм — эссенциализм* и т. д.).

Категории есть формы мысли, но в отношении к сущему приобретают ранг объективной значимости. Причина — причастность триплексу: предметно-содержательная предпосылочность, автоморфичность, самодеятельность, —

находящемуся под юрисдикцией фации и означающему все познавательные предприятия.

Только один пример: классическая механика не проблематизирует момент «жесткости» твердых тел, руководствуясь презумпцией их «абсолютной жесткости», однако с позиций релятивистской механики таким образом подходить к вопросу неосмысленно. Если стержень $A-B$ достаточно длинный и абсолютно жесткий, передвижение конца A в то же мгновение повлечет за собой передвижение конца B . Специальная теория относительности (СТО) исключает такую возможность. Поскольку скорость передачи взаимодействия в пространстве не превышает « c », передвижение конца B должно отстоять на какую-то Δt от передвижения конца A ; они не могут произойти одновременно. Следовательно, «благодаря сжимаемости (не абсолютной жесткости. — *В. И.*) стержня движение передается по нему не мгновенно» [4, с. 70]. Казалось бы, элементарный феномен, а трактовка его фундируется рядом капитальных предпосылок, не побоимся сказать: ценой символически конструируемой онтологии мира.

Эскиз осмысления многоотсечности связывания в диахроническом разрезе дополняется таковым в синхроническом. По большому счету палитра обсуждаемых разнокалиберных, но одинаково важных познавательных действий укладывается в триединство дескрипции (описывание), аскрипции (приписывание) и прескрипции (предписывание), с функциональной точки зрения обладающих конститутивной и регулятивной значимостью. Единосушно *urbi et orbi*³ они несут правду: что такое мир, как он устроен, откуда возник, как дан в знании, — что переводит рассуждения

³ Ко всеобщему сведению (лат. букв. городу и миру). Выражение использовалось в Древнем Риме как первая фраза при объявлении указов, законов и официальных обращений. — *Прим. ред.*

из отрешенного модуса «в себе» в приземленный модус «для нас». Универсум из ракурса «вещь сама по себе» трансформируется в ракурс «явление», вовлеченное в конкретно-историческое, социокультурное одействование с фациально структурированным диспозициональным полем (синтаксический, семантический, операциональный потенциал).

«Потенциально-возможное» (бытие само по себе) предстает для познания «реально-действительным» (в границах широко понятого «праксиса»), т. е. позитивно осваиваемым с точностью до разрешающих предпосылок. Определения потенциально-возможного сущего становятся предметными областями реально-действительного сущего (через автокаталитический триплекс). В противном случае (в случае нетрансцендентности познания) они не подпадают под «объект» изучения. (С гносеологической точки зрения понятие потенциальных миров — с возможными типами объектов в них — вирулентно. Последнее проявляется в недоуточненности, размытости понятия.

Требование объектности несет идею принципиальной различимости некоторого объекта во всевозможных дескрипциях, аскрипциях, прескрипциях — фиксации его состояний в возможных мирах. Однако сделать это можно не всегда — часто не удастся снять проблему индивидуации, решая, какой объект в возможном мире соответствует индивиду из предметной области действительного (скажем, при оценке Великой теоремы Ферма) (см.: [5]). Получается прямо по Марксу: в познании «следует исходить именно из действительного субъекта и делать предметом своего рассмотрения его (курируемое фациями. — *В. И.*) объективирование» [6, с. 244].)

Фация как блок содержательного с ответственным аккумулярует системные императивы, категориальные

присутствия, к которым сводятся, из которых выводятся, которыми вводятся предметные определения мысли (от объектов до действий с ними), отмечает отношение к субъекту как суверену, выстраивает отношение к нему как функции. Не культура пребывает атрибутом субъекта — напротив, субъект пребывает атрибутом культуры. В такой инверсии — вся роль фаций.

Чтобы познавать, нужно иметь понятие, посредством которого предмет мыслится, т. е. связывается с равнодостоинственными общностями, частями, слоями предметности. При стандартном эмпирическом базисе (B_E) направляющее понятие привносится извне (не из априорных форм, а из тезауруса) — очерчиванием круга свойств, отношений, соотношений с разрядами реальности (в атрибуции, предикации, реификации). SF приписывают и предписывают явлениям признаки (часто безосновно); предмет с признаками становится в позиционное отношение к субъекту, оказывается его миропониманием. В константном B_E можно усмотреть «микс дракона с единорогом», а можно «семейство отряда непарнокопытных»; можно усмотреть «физическую энергию», а можно «божественную энергию — благодать»; можно усмотреть «разложение» (флогистонная теория горения Штала), а можно «соединение» (кислородная теория горения Лавуазье). С позиций *sub specie æternitatis* вопрос приемлемости толкования решается «незаведомым» отнесением к *status rerum*⁴ (SR). С позиций *sub specie temperatis*⁵ вопрос приемлемости толкования решается ситуационным отнесением к SF . «Объяснение явления природы, — напоминает Лауэ, — может состоять только в том, чтобы поставить его в связь с другими явлениями природы посредством известных законов» [7, с. 23]. Однако же постановка в связь,

использование законов контекстуальны. Смотри правде в лицо, перефразируя Энгельса, правомерно сказать: науку нельзя ни делать, ни толковать так, как будто бы ее содержание валится с неба [8, с. 174].

В XVII в. фация наводняла природознание антропоморфными образами, позволявшими, к примеру, утверждать: магнит любит красный цвет; если его обернуть красной фланелью, он прибавляет в силе [9, с. 5], потому что магнит — «царь камней», ему приличествует пурпурное одеяние (вместе с тем, в силу «царственной природы», магнит не выносит «плебейского» запаха чеснока: если его натереть луковичным растением, он утратит свои свойства). У средневекового изобретателя А. Кирхера, со всей серьезностью обосновывавшего сказанное (трактат «*Magnes; sive, De arte magnetica*», 1634), не возникало и тени крамольной мысли сопоставить утверждаемое с реальностью, верифицировать конструкцию.

В XX в. фация сталкивает геометрический и физический подходы в лице пикировки Ф. Клейна (Эрлангенская программа — истолкование геометрии на базе теории групп) и Ф.-Б. Римана (Геттингенская программа — истолкование геометрии на базе «пространственного интервала»). Два пути обобщения геометрии и связанные с ними пути перехода от классической механики к частной и от последней к общей теории относительности действительно «носят принципиально различный характер» [10, с. 13—14]. Гармонизировать антагонизм двух программ пытался Картан, видоизменив групповой подход, при котором «в каждой точке пространства задается группа локальных преобразований... а основным геометрическим объектом считается не расстояние между точками, а связность, характеризующая изменение геометрических величин при переходе из данной точки пространства

⁴ Положение дел (лат.), адекватность.

⁵ С точки зрения временности (лат.).

в соседние точки» [10, с. 14]. Акция Картана (независимо от эффекта), по большому счету, есть некий паллиатив общей легализованной фацией стратегии понимания пространства, а с ним — перспектив развития физической теории на базе эйнштейновской доктрины геометризации. Диспозициональный, регулятивный фон последней заключается в предписании интерпретировать физические поля в геометрических терминах (точно — в обход SR), что само по себе позволяет разворачивать лишь некантовые теории гравитации и электромагнетизма (без учета сильного, слабого взаимодействия).

Дело осложняется наслаиванием когерентных зависимостей научно-предметных построений, позволяющих обосновывать справедливость положений одних теорий посредством моделирования их предметных областей на предметных областях других теорий. Скажем: кинематика СТО представляет собой геометрию, причем такую, в которой используются иные предположения, чем в евклидовой геометрии, однако

«во всех вопросах, касающихся проективных взаимосвязей, эта геометрия аналогична евклидовой»; таким образом, СТО в такой же мере непротиворечива, как и геометрия [11, с. 130—131].

В чем уверенность, что СТО обоснована? Разумеется, есть свидетельства V_E в виде экспериментальных подтверждений изменений массы, замедления времени (поперечный эффект Доплера и т. п.), но наиболее капитальное оправдание дают косвенные и качественные следствия, опирающиеся не на частные факты, а «непосредственно на независимость формы закона природы от инерциальных систем, получающихся одна из другой с помощью преобразований Лоренца» [11, с. 130—131]. Очевидно, здесь трудно переоценить роль фации.

Рефлексия предметной универсализации реальности вследствие легализуемых фацией содержательных связываний, продуктивных синтезов наводит на существенное переосмысление гносеологической генеалогии всеобщности и необходимости знания.

Таблица 2

Сопряжение возможностей теоретизации гносеологической теорией

Течение	Основание нивелирования познавателя	Концепт	Стандартная когитальная реакция
Трансцендентализм	Мыслительное единообразие	«Каждый нормально мыслящий»	На комплексы логизированного знания
Конвенционализм	Дисижонистское	«Обязывающий консенсус»	На комплексы санкционированного знания
Прагматизм	Эффективистское	«Инструментальная полезность»	На комплексы работоспособного знания
Социологизм	Символически интерактивное	—	На комплексы институционализированного знания
Символический автоморфизм	Автокаталитический потенциал тезауруса	«Конструктивный синтез»	На комплексы фациально структурированного знания

С позиций развиваемых представлений, — конкретно, из учета того, что капитальные познавательные процессы

кристаллизации знания нормосооб-разуются, ценностно регулируются фациями, — следует его (знания)

принципиально антитрансценденталистский характер: оно не может быть надындивидуальным, сверхличностным, имперсональным, транссубъективным в каком-то вневременно-внепространственном абсолютном смысле. Соответственно, не могут быть такими и его (знания) базовые признаки. Знание — с всеобщностью, необходимостью — тематизируется в социальной эпистемологии в терминах не «независимости от нас», а с точностью до наоборот: в «прямой от нас зависимости». Разумеется иницируемая фациями активная роль форм мышления, целеориентирующих познавательный процесс по всему горизонту его отправления.

Символический ареал фации, говоря словами Юнга, содержит «возможность и намек» — формирующуюся в исторической социокультуре атрибутику мысли. Обобщенно она детализируется понятием «трех С»: смысл, связывание, совместность.

Смысл. Активно используемые *Н*-существования, образопредставления, семантическая денотация, в лингвистическом аспекте представленные гипонимизацией, в логическом — родо-видовой таксономизацией, в эйдетическом — категоризацией (динамическая — стохастическая Вселенная). По эвристическим лекалам фаций выстраивается миропонимание, задается отношение принадлежности к тезаурусу (гравитация — левитация), делается осмысленной способность суждения (в виде утверждений об объектах реальности), определяются границы осмысленного опыта (справедливость взаимодействия: $v \leq c$ — близко-, $v > c$ — дальноедействие), регулируется правильность построения языковых формул (пропозиции, высказывания), осуществляется истолкование.

Связывание. Организация дескрипции, аскрипции, прескрипции предорганизуемой стереотипизацией мыследеятельности, унификацией интерпретативного,

экспликативного, версификативного процесса. Избирательность, предвзятость взмахов продуктивной синтезирующей мысли, ее идейная выдержанность, символическая запрограммированность — от характера презумпций (реалии языка) и пресуппозиций (реалии сознания и самосознания исторической социокультуры) категорологии.

Фациально выраженную родословную рассудка правомерно объяснять спецификой «узурпируемых» понятий. На лингвистическом уровне мы с «опережением» усваиваем слова, не зная стоящих за ними концептов. Конечно, словесная оболочка семантизирована. Между тем важно подчеркнуть момент исходной встроенности в активную лексическую культуру, комбинирующую акцентным запасом ЛСВ (где встречаются или нет «драконы» и «единороги», «гравитация» и «левитация»).

Далее — слова не дают понимания смысла, но предполагают его. Переход от предположения к разворачиванию смыслов дает категорология. На семантическом уровне идет мыслительное означивание словесных фигур благодаря налаживанию предметных связываний в горизонте высказывающих о сущем категориальных приращений (синтез) и прояснений (анализ), специфицирующих картину действительности. (Членение мира на связные альтернативные подразделения *вещество* — *антивещество*; *небесное* — *мирское* и т. п. с последующим установлением содержательных напряжений между ними — крайне эвристичный идейный прием: посредством обособления онтологических крайностей (диалектический прием столкновения противоположностей), изоморфных категориальным дихотомическим парам, с налаживанием координации и субординации между ними приобретает уникальная возможность, минуя частности, оформлять завершенные целостные

образы сущего, квалифицированно судить о нем. Взяв на вооружение данный прием, Гегель пытался перенаправить познание на рельсы категориального системосозидания, представляющего зеркальное отображение лулливского знакового.)

Совместность. Доверие вытекает из коммуникации. Искренняя убежденность в выверенности — не типа фидуции или дворянского, купеческого «слова» (вспомним казус учительствовавшего Декарта (см., напр., [12, с. 138]), адресуясь к которому сановная особа предложила: «Господин Декарт, — вы дворянин и я дворянин, — дайте слово, и к чему доказательства»?!), — а внутренней интенции трактовать некий материал неким способом, — следствие конституируемой фациями стилистики мыследеятельности, особенности удостоверенной *SF* картины действительности, смыслообразования, проникающего *in succum et sanguinem*⁶, пропитывающего все поры антропно-символического конструирования мироздания, все типы его концептуальных редакций и репрезентаций.

Уточнение гносеологического существа «трех С» оправдывает социально эпистемологическую транскрипцию всеобщности и необходимости: в пределах фации всеобщность — социальная универсальность, социологически не частичность, а общепризнанность, тогда как необходимость — социальная обязанность, деонтологически не произвольность, а безусловность.

Трансценденталистские формулы «нормально мыслящего», «обладающего разумом» получают в социальной эпистемике не соматическую, не логическую, а диспозициональную трактовку: предобусловленную непереносимость мыслить так, как предписывают фации — конденсируемые в них смыслы, связывания, интервалы совместности. С этой точки зрения левитация — еще

не компонент науки, поскольку не вовлечена в легализуемый фацией наукооборот под фирмой наукообразного реального, а «дракон с единорогом» — уже не компонент науки, поскольку выдворен из легализуемого фацией наукооборота под фирмой псевдонаукообразного нереального.

Литература

1. **Ильин В. В.** Философия истории: монография. М.: Изд-во МГУ, 2003. 380 с.: ил.
2. **Лейбниц Г.-В.** Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с. (Философское наследие).
3. **Кант И.** Критика чистого разума. М.: ЭКСМО, 2007. 736 с. (Антология мысли).
4. **Мандельштам Л. И.** Полное собрание трудов. Т. 4: Лекции по колебаниям. 1930—1932 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 512 с.
5. **Чупахин И. Я., Фатиев Н. И.** Современная модальная семантика и категория сущности // Вестник Ленинградского университета. Серия: Экономика. Философия. Право. 1981. Вып. 2. № 11. С. 100—104.
6. **Маркс К.** К критике гегелевской философии права // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 219—368.
7. **Лауэ М.** История физики. М.: Гостехиздат, 1956. 230 с.
8. **Энгельс Ф.** Письма к разным лицам (январь 1893 — июль 1895) // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1966. С. 3—414.
9. **Лобимов Н. А.** Из книги иллюзий, тайн, чудес, открытий, диковинок, курьезов, предрассудков, заблуждений, мечтаний, невероятностей и невозможностей. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1888. 4, 72 с.
10. **Зайцев Г. А.** Абстрактные схемы физики и теория физических теорий. I // Философия и физика. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1972. Вып. 150. С. 5—19.
11. **Либшер Д.-Э.** Теория относительности с циркулем и линейкой / Пер. с нем. В. Е. Маркевича под ред. Н. В. Мицкевича. М.: Мир, 1980. 149 с.: рис.
12. **Фейнберг Е. Л.** Две культуры: интуиция и логика в искусстве и науке. М.: Наука, 1992. 255 с.

Ильин Виктор Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации МГУ имени М. В. Ломоносова. **E-mail: vvilin@yandex.ru**

⁶ В кровь и плоть (лат.).